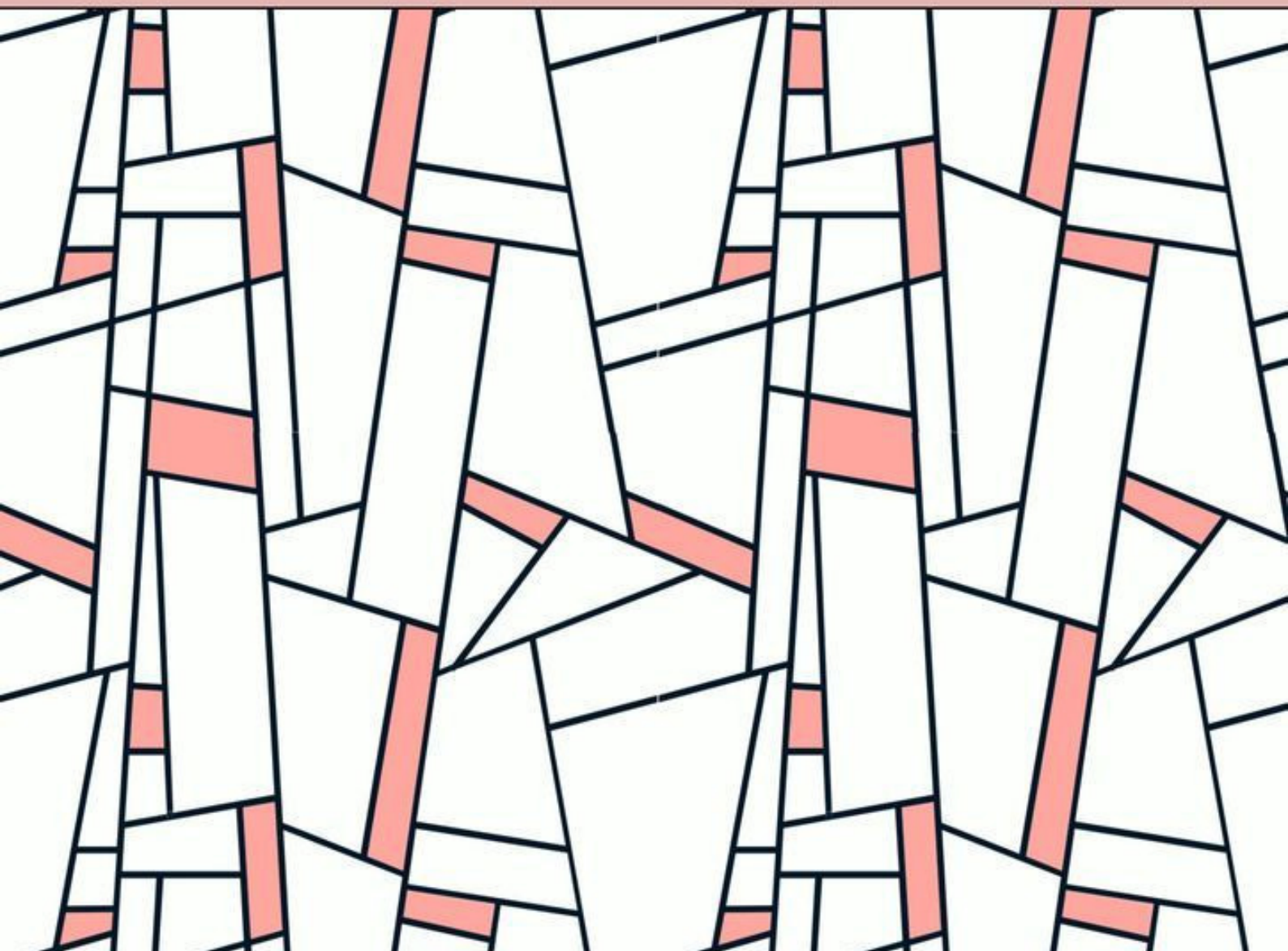

18+ Владимир Митюк

Грубые будни

Роман из цикла «Пространство холода»

Владимир Митюк

**Грубые будни. Роман из цикла
«Пространство холода»**

«Издательские решения»

Митюк В.

Грубые будни. Роман из цикла «Пространство холода» /
В. Митюк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989440-3

«Грубые будни» — роман из цикла «Пространство холода». События развиваются на рубеже веков и в первом десятилетии двадцать первого века. Каждое произведение закончено, но они связаны между собой персонажами, сюжетные линии развиваются самостоятельно, но в какой-то момент пересекаются. И это не случайно. Во всём можно найти взаимосвязь. Данному роману предшествует роман «Грубые хроники», вышедший в этом году.

ISBN 978-5-44-989440-3

© Митюк В.
© Издательские решения

Содержание

Грубые будни А	6
Грубые будни Б	14
Грубые будни В	24
Грубые будни Г	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Грубые будни

Роман из цикла «Пространство холода»

Владимир Митюк

© Владимир Митюк, 2020

ISBN 978-5-4498-9440-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Грубые будни А

Расставаясь Кирой, я понимал, что теряю друга и хорошую любовницу. Последние события давали сигнал, и я был готов к тому, что наши отношения перейдут в дружеские, мы будем периодически созваниваться, и всё реже и реже. Чужое имя, произнесённое в забвенье. Я был готов ко всему, но только ни к её трагической гибели. И пока я не разгадаю эту загадку, не будет мне покоя.

Прошёл год, на страну обрушился экономический кризис, люди дергались, меняли места работы в поисках заработка, город украшался новыми строительными монстрами, недостроенными зданиями, хлама и мусора во дворах и на улицах прибавлялось. Но, казалось, этого никто не замечал. Рубль свалился вслед за нефтью до критического уровня, но это был ещё не финиш. Однако народ как-то жил, ходил на работу, давился в общественном транспорте и в нескончаемых пробках. Это я так, к слову, чтобы дать некоторую картину сорокапроцентной инфляции. Поскольку машин прибавлялось, магазины – завалены техникой, продавцы ещё пытались держать цены, продукты – взлёт, посадка. Но мне хватало. Более того, материальное положение улучшилось – после принятия законов о борьбе с так называемой коррупцией, вдруг красть стали меньше, и оказалось, что новое руководство – то бишь, менеджмент, поумерило свои аппетиты, а заказов не убавилось. Или же они освоили новые схемы, что-то оставляющие трудящимся. Может, потому что несколько десятков человек сели на несколько лет каждый, а может, и по какой-то иной причине, не столь важно.

Это я так, к слову. В общем, я не бедствовал, новая должность открыла и новые финансовые возможности, только вот время было пустым, и тянулось бесконечно. Я старался занять себя полностью, чтобы не чувствовать накатившее одиночество. Встречался иногда с немногочисленными приятелями, общался по телефону с дочерью, но все равно оставался одиноким. Бесцельно шагал из угла в угол, как загнанный зверь, не только по квартире. Никаких следов.

Со стороны – спокойный и уравновешенный мужчина средних лет, серьезный и вдумчивый. Ведь никто вообще не знал о Кире и наших отношениях, а свое, пусть и косвенное, знание, я, по известной причине, предпочитал не афишировать. Будет нужно – меня найдут...

Кузьма же, как сквозь землю провалился. Я обходил свой микрорайон пешком, по тому же самому маршруту. Строительная техника – на приколе... И что мне оставалось делать? Я объехал и другие районы, но... найти человека в почти пятиmillionном городе невозможно, разве что госпожа удача подарит счастливый случай. Но, видимо, свой лимит я давно исчерпал, и посему мне катастрофически не везло. Почему я искал Кузьму? Мне казалось, что он причастен ко многим роковым событиям. Но выяснить это я мог только единственным образом.

Магазин Киры, на шоссе, так и открылся после того, через некоторое время появилась табличка SALE, а примерно через полгода, после ремонта, там поселился очередной салон красоты. Понятное дело, там мне ловить было нечего. Дело осложнялось тем, что мне не были известны координаты немногих людей, с которыми пересекался в магазине. Девушка Марина – та вообще на следующий день уехала, и оставалась в неведении. Я несколько раз подъезжал к дому, где она тогда жила, но так и не дождался. Корил себя, что не взял её номера телефона, кто же мог рассчитывать, что всё так повернется!

Марат, отважный парнишка, тоже участник событий, вообще исчез. Не думаю, что у него был резон засвечиваться. Вспомнил и про Вадима, с которым Кира была в состоянии развода,

или ей так казалось, при встрече я мог бы узнать его, но опять-таки – никаких координат. Даже по фамилии я не мог найти его – Кира сохранила свою. В общем, полный облом.

И жил параллельной жизнью, с кем-то встречался, не запил, что может показаться странным, а погрузился в работу и бесконечный ремонт, старался, вылизывал всё, и вскоре мог с комфортом проводить время дома, но что от этого? Образ девушки постоянно стоял у меня перед глазами, я даже не пытался справиться с этим. Наши отношения нельзя было назвать любовью, но какое-то время мы были вместе. Мог ли я что-то изменить? Неизвестность тревожила и не давала покоя.

В редких сновидениях не появлялись ни Кира, ни Кузьмич. Вокруг дома было тоже спокойно, никаких подозрительно шатающихся либо наблюдающих за мной – или кем-то – личностей. Скамейки во дворе и возле дома, как правило, не пустовали, контингент привычный, спаянный, трудящиеся творчески распивали пиво, общались, обсасывая всё те же вечные темы. Чужому здесь приткнуться непросто, впрочем, человек с бутылкой, попавший в тему, легко становился своим.

Любовь. С этим было сложнее, наши отношения с Кирой, при определенных условиях, могли породить это чувство, но не срослось, и не могло. Нам вместе было комфортно, но разве можно любить и иметь девушку, зная, что в этот момент она думает о другом? Отбросить то, что тянуло в прошлое, невозможно.

Как-то просматривая засунутую в почтовый ящик бесплатную газету, я увидел смешное объявление. Общество охотников – да, есть и такое – приглашало принять участие нескольких выездах, набирало новых членов. Сначала это меня не заинтересовало, признаюсь, но через пару дней газета снова попалась мне на глаза. И я увидел в этом некий знак. Пару дней сомневался и выжидал, а потом набрал номер. Приятный женский голос подтвердил, что я попал по адресу, но чтобы стать кандидатом, следует принести справки о здоровье, из психиатрического диспансера, из наркологического диспансера, из туберкулезного диспансера, разрешение на приобретение оружия и так далее. Я вежливо поблагодарил, пахнуло настоящим совком, ну что делать. Однако дела отвлекли, и я собрал необходимые справки только к началу осени. А как же визит к психиатру в позапрошлом году? Наверное, меня признали здоровым, и не внесли в пожизненную картотеку. Пошел приобретать оружие и с удивлением узнал, что для этого нет никакой необходимости вступать в охотничье общество.

Я убрал ружьё в шкаф до лучших времен, возить с собой пока не решался, мало ли что. Однако, став обладателем двустволки, я снова позвонил в общество охотников, узнал, когда лучше приехать в общество и оформить документы – да хоть завтра, и не стал откладывать.

Доехал до скромного здания где-то в переулках возле Обводного канала в районе Калинкина моста, изрядно поплутав, и увидел соответствующую вывеску. В небольшой комнатке – секретарша, молодая женщина лет тридцати пяти, – делопроизводитель, не могу определить точно функции, посмотрела мои документы, выдала бланк заявления. Я присел на стандартный офисный стол, аккуратно заполнил анкету – утаивать мне нечего. Конечно, имеются в виду официальные данные. Вот, пожалуйста. Девушка взяла анкету, задала пару вопросов, внесла мои данные в компьютер и напечатала бланк. «Держите Ваш билет в виде пластиковой карточки. Если немного подождёте немного, то придет наш предводитель, – она улыбнулась, и напишется. Поговорите с ним, и всё, Вы – полноправный охотник, – она мягко улыбнулась, – и ещё заплатите взносы». – «Можно сейчас?» – «Да, конечно». Я протянул три тысячи сто рублей, без сдачи, получил квитанцию. Очень буднично, на стенке и стеллажах – никаких охот-

ничьих трофеев, возможно, они в соседней комнате, только лицензия и несколько дипломов в рамочке на стенах, да и сувенирная уточка-манок на комод.

Значит, здесь только принимают членов, да ладно. Мне, в принципе, всё равно, возможно, я вообще не расчехлю свое ружьё для охоты, и, если уж буду сидеть в засаде, только не на лося...

Почему-то мне представлялось, что основное занятие охотника – сидеть в засаде, и ждать, когда прямо на него выбежит загнанный зверь, и палить. Кто тут у нас ещё водится – волк, кабан, заяц? Но ни тех, ни других встречать мне не приходилось. Вот волки в человеческом обличье, лисы – сколько угодно. А утки... Стрелять в них ради собственного удовольствия? Ладно, посмотрим, азарт приходит внезапно.

Пока я так размышлял, а девушка занималась своими делами, дверь соседней комнаты открылась, из нее вышел весьма колоритный мужчина восточной наружности, плотный и коренастый, за сто кило, однозначно. Он весьма радушно принял меня, но я уловил в его улыбочивых глазах металлический блеск и настороженность. Возможно, большинство не обратили бы на это внимание, но только не я, в силу известных обстоятельств. Минут пять мы весьма дружески беседовали. Он поинтересовался, занимался ли я раньше охотой, и почему вдруг решил. Я, естественно, отвечал несколько уклончиво, мол, возраст, свободное время, ощущения. И вообще, живу один, и это одна из возможностей. Не думаю, чтобы он мне до конца поверил, это вполне объяснимо, однако последовало предложение. Мол, у нас недельки через три, намечается выезд на рекогносцировку, присоединяйтесь, познакомьтесь с коллективом, осмотритесь, а дальше будет видно. В этот раз охоты не будет, и новичка срезу в дело пускать неразумно, а для опыта – весьма полезно. Я не стал отказываться, более того, у меня появилось небольшое окошко в работе, ехать куда-то в отпуск я не собирался, так что упустить такую возможность было бы неразумно. И не остановила объявленная сумма – почти сто тысяч, понятное дело, подобные занятия не для бедных. В принципе, если бы собрался куда-то за границу или на наш юг, вряд ли вышло бы дешевле.

Сама идея меня захватила – поехать не сразу на охоту, а разведать новые места, познакомиться с новыми людьми. И – сменить обстановку, что немаловажно. Признаться, я сам не представлял, на что способен не в городских условиях. Заметив мою нерешительность, предводитель – к нему очень подходило это определение, сказал, что вопросов с обмундированием, питанием, транспортом и ночлегом не будет, деньги – потом, если я определюсь.

Он тоже собрался уходить и предложил подвезти, я поблагодарил, но отказался – моя «Тойота» стояла в соседнем переулке.

Да, потянуло на приключения. Тем более тогда я уже был не один.

В машине я немного посмеялся над собой – ну, опять ввязываюсь не в своё дело. Так бы числился, имел зарегистрированное оружие, встретил Кузьму и пристрелил, так нет тебе...

Я невольно вернулся к прошлогодним событиям – цель была ясна, но где она? И – понял чуть позже – интуиция направила меня – если искать снайпера, то среди охотников. Глупость, скажите? Возможно, только неизбежно складывается некий круг общения, и, кроме того, не я первый, ни последний, кто пришел к подобной мысли. С другой стороны, общество могло быть просто спаянным мужским коллективом, где главное – не охота, а, так сказать, времяпрепровождение. В любом случае, даже сомневаясь, я ничего не терял.

Год назад плюс три недели.

Три недели после моего первого вояжа в столицу. Автоматическое продление бытия, действий. Понимание, что управление ситуациями не входит в мои возможности, но предвидеть я был обязан.

Действия начальства непредсказуемы, я снова стоял возле того же памятника, в запруженном зале московского вокзала, оставив машину на том же месте. И уже знал, кто придет ко мне на встречу. В городе похолодало до +12, но я ограничился костюмом, разве что прихватил с собой зонтик, который лежал в новой сумке рядом с рабочим ноутбуком, с необходимыми файлами документов. Я намеревался ещё раз пробежаться по ним, ибо новая должность некоторым образом обязывала. Если бы подобное перемещение произошло несколько раньше, я бы непременно задумался о причинах, сейчас же... Ну да, в склоках и дележе не замечен, никого не подсиживал, наверх не рвался, и возраст подходящий, не более. Что-то изменилось, я ещё раньше переехал на директорский этаж, в приёмной – Алла, о которой вы уже слышаны, вся предупредительность, плюс внешность плюс интеллект. Не секретарша, а помощница, достаточно опытная, чтобы не отравлять жизнь и не вмешиваться в дела. Прибавилось беспокойства, но тут уж никуда не денешься, с чем-то необходимо смириться. Даже нужно, но только не с безвозвратной потерей.

Улыбается:

– Извините, в пробку попала.

Но что значат – две минуты? Я усмехнулся про себя. Возможно, в первый раз за две недели. Я уже всё знал... Именно во время нашей прошлой поездки произошло непоправимое.

Алла взяла меня под руку, и мы спокойно дошли до вагона.

– Фу, – девчонка плюхнулась на полку, – кинула сумочку рядом, сняла курточку – тоненькую кожаную, смешного сиреневого цвета, откинула волосы, взяла со столика бутылку, открыла крышечку, сделала несколько глотков. Жаль, курить здесь нельзя. Говорят, скоро в поездах вообще запретят.

В четырнадцать часов этого же дня.

– Антон Владимирович? – на мобильнике высветился незнакомый номер, и я отчетливо почувствовал тревогу, – да, чем могу служить? – весьма казенно, да и голос у меня был соответствующий, вряд ли от звонка следовало ждать чего—то хорошего.

– Это следователь (по особо важным), – представился, – мы не могли бы встретиться и поговорить, или Вас вызвать официально?

– Да, конечно, встретиться.

– Вот и ладно, сегодня в четыре, – он назвал адрес, – Вам будет удобно?

– Не слишком, я уезжаю в командировку и буду на работе, а если в шесть – полседьмого?

– Хорошо, – после некоторого раздумья, – тогда в полседьмого, – он продиктовал адрес, – ... Нет, не на территории, там есть небольшое кафе, – хм, как в сериалах, заодно можно поеркусить..

В животе что—то шваркнуло, скрутилось, я приготовил себе кофе. Кофеварка в углу на столике, не всегда удобно звать Аллу. Но пить не стал, открыл окно, выходящее во двор предприятия, и закурил – тот случай, когда можно пойти на нарушение регламента. Интересно, в прошедшем времени мною никто не интересовался, хотя были поводы. Я ждал, но почему именно сейчас?

Кафе было мне знакомо, правда, добраться было непросто, но я приехал на место минут за десять до назначенного времени. В последнее время аппетита не было, так, перехватишь что-то на лету, и хватит. Заказал только кофе, минералку и нечто типа сырных палочек. Следователь появился минута в минуту, и сразу направился ко мне. Я встал и протянул руку, он пожал её и сел напротив. Моему визави было примерно сорок пять – пятьдесят, обычная внешность, ладно сидящий костюм, никакой настороженности и даже приветливость

во взгляде. Полковник, не меньше. Но он вряд ли подозревал, что эта встреча важна для меня гораздо более, нежели для него.

– А кофе здесь вкусный, не правда ли?

– Да, я когда-то работал неподалёку, иногда заходил, здесь ещё хорошо готовили протертые супы, для разнообразия. Кофе настоящий, и посетителей немного. Сейчас-то бываю редко, работаю в другом районе.

– Я тоже люблю сюда заходить.

Мы пили кофе, он, наверное, выдерживал время, но это так, относительно...

– Вы были знакомы с Екатериной Давыдовой?

Я кивнул, а у самого всё клокотало внутри.

– Да, примерно два месяца. Зашёл в магазин, по дороге домой – я там часто бывал, пива купить, и... Она меня подвезла.

– На её мобильном телефоне Ваш номер. Один из последних звонков.

– Да, утром звонил из Москвы, вернее, из поезда. Вы, наверное, это проверили, утром Кира собиралась встречать отца, он должен был вернуться из-за границы, а потом вечером... А дальше... Я развёл руками... Всё. И узнал, вернувшись, только из СМИ.

– И не пришли на похороны.

– Да, у меня никаких контактов не было, магазин – закрыт, ключа от её квартиры – тоже. Я ведь уезжал, и зачем брать с собой? Она намеревалась познакомить меня с отцом. Но сомневалась – наши отношения как-то превратились в дружеские, несмотря на взаимную симпатию. Но иногда мы были вместе. Вполне объяснимо.

Я старался быть откровенным, ибо поиски истины важнее всего.

– И это всё, что Вы знаете?

– Почти. В последнее время она была озабочена – отец уехал, а на неё собирались наехать, типа рейдерского захвата, говорила, обычное дело, собственность, отец всё решит.

– И Вас не посвящала, хотя, как Вы говорите, возможно, собиралась за Вас замуж?

– Именно так, только одна из возможностей – по-моему, она была замужем, но собиралась разводиться. Признаться, в этом я не был уверен. А работа – я далёк от этой сферы – бизнес, торговля, это для меня, – я замялся..., – terra incognita.

– Мы проверили.

– А Вы можете что-то сказать, или это тайна следствия? Может, и я на что сгожусь? Если найду, то вот этими руками, – я произвольно сжал кулаки, – всё-таки нас многое связывало, убийство такой женщины не должно сойти с рук.

Мой собеседник усмехнулся:

– Вот, все возомнили себя сыщиками, а потом ещё и с вами разбираться.

– Погодите, а Вы...

Он, как бы, не услышал моего вопроса, и задал свой:

– И таки Вы ничего не знаете? А ведь собирались жениться, по крайней мере, не исключали подобную возможность...

Я понимаю, один и тот же вопрос может быть задан несколько раз, но в различной форме.

– Нет, конечно, знаю, там работали... – я назвал имена, но они, видимо, не были тайной для следователя. – И ещё у неё был бывший муж, о котором мы говорили, или не бывший, я его видел, но мог только ревновать, ведь он моложе, симпатичный, а я старше Киры лет на десять. Да, если интересно – в квартире остались мои тапочки, отпечатки пальцев, и... – тут я замялся, – биологические следы.

– А у вас точно не было ключа? – Вопрос непременно нужно задать два раза.

– Нет, я же уезжал в командировку, и оставил ключи на стойке в кухне.

– Хотите забрать? Или сходить?

Я покачал головой:

– Нет, мне тяжело. А вы что-то узнали?

– Работаем, опрашиваем.

– Извините, а вы можете сказать, как, где... Никаких сообщений в прессе, не было, ни малейшего намёка. Даже в интернете лишь факт покушения и гибели.

– Всё просто – работал снайпер, она сидела на переднем сиденье. Обычно это место занимает хозяин, но в этот раз потерпевший сидел за рулем сам, а охранник и водитель ехали следом на её машине. Окна «Мерседеса» тонированные, так что стреляли не в неё, а в отца. Она – случайная жертва. А вы начитались детективов – людей притягивают момент и место погребения, но в данном случае всё происходило в очень узком кругу – человек десять, не больше.

– А со стороны никто не мог наблюдать? Может, кто-то переоделся кладбищенским работником?

– А почему вы думаете, что на кладбище, а не кремация?

– Это просто узнать, телефон доступен, никаких объявлений, проще простого. А кладбищ слишком много, и там не дают информацию. Так где?

– На Волковском, православном. А вам придётся сдать анализ и отпечатки.

Так, круг замыкается, я с трудом, чтобы не выдать себя, согласно кивнул:

– Понятно, я уезжаю всего на день, вернусь, и сразу к вам.

– Вам можно верить, а день можно и подождать.

– Я так понял, нужно убедиться, что в квартире после меня никого больше не было.

– А разве вы за это можете поручиться? – Встречный вопрос... Да, там были обнаружены биологически следы интимной близости, но не ваши. Наверное, муж всё-таки посетил её. Не расстраивайтесь.

– Не ревную, вполне закономерно, что женщина хочет остаться с молодым и красивым.

– Мы проверили, он – не причастен.

Трудно было не покраснеть, пожать плечами, покачать головой – в это не верилось, но кто разгадает женщину? Или муж? Может, поэтому Кира не возражала против моего скоропалительного отъезда?

Ладно, сейчас не до эмоций.

– Пропуск закажете?

– Нет, входящих в управление контролируем не только мы, лишний раз незачем светиться, вот адрес, куда нужно прийти, вас будут ждать. И позвоните мне. Да, и на кладбище не рекомендую ходить хотя бы пару месяцев, во избежание. Кто знает, может и к вам есть определённый интерес. Как и ко всем, кто там может появиться.

– Это вряд ли, но спасибо. А найду – удушу и в асфальт закатаю.

– Оригинально. В асфальт, говорите?

– А куда же еще? Так принято, – я пожал плечами, – если найду, конечно. Вот, на всякий случай, моя визитка, со всеми координатами, адресами.

Мы вышли вместе, распрощались, если не друзьями, но понимающими друг друга, и сели в две одинаковых черные «Тойоты». Его машина была припаркована следом за моей. И мне было чем ответить на незаданный вопрос – а откуда у скромного инженера машина бизнес-класса? – Оттуда же...

Вот почему я не мог мгновенно адекватно отреагировать на слова моей спутницы. Но она-то ни в чем не виновата, и я с трудом вернулся назад, и сказал:

– Вы правы, можно и покурить, и выпить. Потом...

В тамбуре было прохладно, особенно девушке, в тоненьком свитерке под горлышко. Было зябко, о чем она не преминула доложить. А это, как вы понимаете, определенный сигнал. Причём фраза «что-то зябко» вылетает сама собой, почти на автомате. И требует определённой – опять-таки автоматической, реакции – обнять женщину и согреть. Что я и сделал, впрочем, не переходя определенных границ – снял пиджак и накинул ей на плечи. Алла докурила сигарету, что-то говорила, но я не воспринимал.

Мы вернулись в купе, выпили по рюмашке, и я был отправлен в коридор – дама нужно переодеться. Я умылся, встал возле окна, и стал бессмысленно наблюдать, как мимо проплывают огоньки окрестных поселений.

А в купе было тепло – кондиционер работал на плюс, около двадцати двух по Цельсию. Алла сидела на своей полке, всё в той же пижамке, и пуговок было расстегнуто несколько больше, чем полагалось.

– Вы, ты, что такой мрачный? – Спросила она, когда я занял место напротив, – что-то случилось? – Женщины, что ни говори, обладают определенным чутьём, но я же не мог поведать ей причину.

– Да нет, всё нормально, – и попытался перевести разговор на рабочую тему... Но получилось не слишком – эта поездка, в сущности, была несколько формальной, но необходимой, – забрать почти подписанные документы, согласовать некоторые – уже обговоренные – детали, разве что я ехал в новом качестве, а ей, как я понял, подвернулась оказия в Москву. И меня сопровождать, конечно. – Больше никаких вводных?

Она зевнула:

– Нет, только отпечатанные документы, можно проверить чистовики, а можно и не проверять – я уже это сделала. Единственно – документы строго конфиденциальные. А копия есть у меня на флешке.

– Ну и хорошо....

Мы приняли ещё по пятьдесят граммов, я – для снятия усталости – после сегодняшних событий я почувствовал слабость в ногах, и думал лишь о том, чтобы скорее завалиться спать. Алла накинула халат и на несколько минут вышла, я же, к стыду своему, разделся и хотел отключиться. Но не мог не думать о возможном повторении. Вскоре меня укачало, и сквозь накатывающийся сон я услышал, как Алла вошла в купе, установила блокиратор на двери, выключила ночник. Прислушалась...

А потом – трехнедельной давности *deja view*, почти по тому же сценарию, она скользнула ко мне под одеяло. Просто легла рядом и обняла меня. Приятное, накаченное и сладкое тело, прижимающееся ко мне. Ласковые губы с привкусом мяты и коньяка. Рассыпавшиеся по моей груди волосы. Потом... Она внезапно встала и взяла меня за руку.

– Пойдём, я хочу так, – и встала на коленки уже на своей полке, – только не двигайся.

– Подожди, я надену....

– Не надо, можно...

Поезд летел, медленно покачиваясь на новых рельсах, за окном —редкие огоньки – мы не опустили жалюзи, я – почти недвижимый в неистово влажной и упругой девушке. Я не задумывался о своей роли, а старался следовать её желаниям. Алла учащенно задышала и сильнее прижалась ко мне. Неужели? Кажется, девушка забылась....

И я опять угадал. Вскоре она застонала и упала мне на грудь, и заснула в моих объятиях. Обняв за шею и закинув ногу на бедро.

Слова? А были они нужны? Обнимай девушку и радуйся жизни.

Девушка сладко посапывала, о чем-то бормотала во сне, а я не мог заснуть. Рука затекла, но я боялся пошевелиться. Всё же вскоре, убаюканный равномерным движением поезда, заснул.

Гораздо позже я подумал, что произошедшее – вполне естественно, девушка не видела в мужчине моего возраста потенциального претендента на руку и сердце, который будет преследовать её. Следовательно, почему бы и нет. Я похудел, сказался перенесенный стресс, подкачался. И мог согдиться на определенное время. Не более. Осознание этого меня не огорчало. Сначала.

Утром мне доверили застегнуть застёжку на бюстгальтере, я уже и забыл, как это делается, но справился.

Мы позавтракали, обменялись улыбками, почти как близкие люди, ночь поезде неумолимо объединяет. А такая...

Но женская интуиция – если я понимаю правильно, сработала. Едва мы вышли из поезда и очутились на московском перроне, Алла спросила, уже вполне серьёзно:

– У вас на самом деле что-то произошло? – Она, как и полковник, повторялась. И периодически переходила то на «ты», то на «вы», на работе — однозначно, а сейчас обстоятельства несколько другие. А сейчас, наверное, что-то почувствовала. Как они это понимают?

Я лишь кивнул в ответ – даже малейшее знание могло поставить под удар ещё одного человека. И всё же мимолетная и нелогичная связь была пусть небольшим, но толчком к возвращению к жизни, а её нежные пальчики, переплетающиеся с моими, – она взяла меня за руку – означали большее, нежели спонтанный или спланированный заранее секс.

– Не думай, я не эскорт, разъездная, – она замаялась, – просто... – она не договорила, я понял: «Ты такой большой и несчастный, я сама – ну, не знаю, и – просто захотелось», – врёт, даже себе. Не мое дело вмешиваться.

Вскоре мы прибыли в Контору, там были проблемы, но вполне решаемые, в отличие от одной, о которой не знал никто, кроме меня.

Дела были успешно завершены, Алла вручила мне билет на экспресс. Смутилась, чмокнула в щечку, прижалась на секунду и...

– Ну, я пошла? – В голосе почувствовалась неуверенность, я должен был что-то сказать, вроде этого: *Да брось ты, поехали вместе, ведь нам было так хорошо, ты – бесподобна...* – но слова застряли в горле. И она ушла... Выяснить отношения с возлюбленным, ради чего, собственно, и направлялась в Москву. Но уже с подтверждением своей неотразимости. Женское коварство, или нескончаемый процесс выбора? Меня задело, да ещё как, но я не подал виду.

И остался наедине со своими мыслями, ещё более раздробленными. Было грустно, что и эта девушка так легко покидает меня. Или, что тоже не весело, просто изменяла со мной.

Всего-то пять часов до Санкт-Петербурга.

Я сидел в удобном кресле, пил минералку, поезд нёсся, преодолевая семьсот километров от столицы до северного града, времени на размышления – хоть отбавляй. Но – главное – было ли появление Аллы в моей жизни неслучайным, или просто так сошлись звёзды?

Грубые будни Б

Тремя неделями раньше

Я узнал о произошедшей трагедии, только вернувшись из Москвы, включив вечером телевизор, после бесполезных попыток дозвониться до Киры – абонент временно недоступен. Я ещё не знал, что абсолютно...

Шок? – Не то слово. Мало того, что я не знал ни малейших подробностей, но и не мог связаться ни с кем, кто мог хоть немного прояснить ситуацию. То, что почувствовал я – нет, мир не рухнул, но наступило полное опустошение. Как пережил несколько дней – одному богу известно, вынудила работа. Я двигался, как автомат, пусть хорошо отлаженный, выполнял предписанные функции. Возможно, это и хорошо, что я ни с кем не сблизился настолько, чтобы поведать о своих проблемах. Посему личные переживания остались лишь в моем подсознании.

Но мне кажется, что Алла, с её проницательностью, замечала, и была предупредительна, ничем не намекнув.

Почти бессмысленное существование продолжалось вплоть до поездки в Москву, и нарушения рекомендаций следователя. На сорок первый день – когда душа якобы должна уже была распрощаться, я проделал ранее привычный маршрут. Сентябрь, осень ещё не прогнала быстрое и ненадежное тепло, пятница, и я не спешил. Завернул к «своим» – за моё отсутствие всё заросло, напали листья, покосилась скамейка. Непорядок. Появился служитель – что, мол, долго не были – уезжал, дела, а никого больше не осталось. Надо бы попросить, мы можем присмотреть. Да нет, слишком личное, но спасибо за заботу. Предложенные деньги были приняты с благодарностью, но без подобострастия. – Понятно, а Вы здорово изменились... – Возраст не красит, куда уж. Он сочувственно вздохнул.

– Мы посмотрим, не беспокойтесь, – ну да, двести американских рублей были более чем весомым аргументом. А я положил себе заходить раз в две недели, но ни в коем случае не заглядывать туда, где Кира, иначе возможен эмоциональный срыв, а я не оставлял надежд на отмщение, по полной программе. Но за всё приходится платить – мой дар не проявлялся, а вызвать его невозможно.

Служитель распрощался, и пошёл по своим делам. Может, его следовало расспросить, он что-то мог знать, однако привлекать внимание к своей персоне было весьма неразумно. На привычном же месте я не должен вызвать никаких подозрений.

Вечернее кладбище было практически пустынным, разве что забредал кто-то из родственников недавно усопших, и никто не мог помешать мне практически незамеченным территории. Что-то подсказало мне – где-то здесь, я огляделся – никого вокруг, и сделал несколько шагов с аллеи. Временный памятник уже стоял, сообщая биографические данные, стоял и я, бессильно сжимая кулаки. И ничем не мог помочь. Кроме одного. Это было дело принципа, но я ничего не смог узнать – мало-мальски подозрительные элементы исчезли как класс из поля зрения, мало того, я не ощущал их присутствия.

Итак, на сорок первый день я решился-таки подойти и посмотреть. Вроде бы недалеко – через дорожку и метров сто вправо, почти на берегу. Но место было занято – на новенькой скамейке сидела девушка. Марина? Скорее всего, да. Видимо, она тоже не хотела быть одной из соболзнующих, находится среди родственников и, так сказать, знакомых. И мне не хотелось встречаться с кем-либо. Я не стал ждать, пока девушка уйдёт, и перенес визит на следующий день.

Вскоре после неожиданной встречи я приехал по адресу, куда отвозил Марину. Случайно запомнил номер квартиры, нажимал звонок и слышал его трель, но мне никто не открыл. Приезжал ещё несколько раз и уходил разочарованный.

Девушка мне не звонила, хотя у неё был номер моего мобильного телефона. И правильно – что нас могло связывать? Кроме давнего знакомства и закончившегося трагически эксцесса в Кирином магазине... Буду надеяться, что у неё всё в порядке.

В течение года я несколько раз заходил на кладбище. Но лишь мельком заглядывал, не останавливаясь, чтобы не привлечь внимания, и навещался только на свое место. Собаки меня помнили, прибежали, ложились рядом со скамейки, и скромно ждали угощения.

Расследование, если так можно назвать шастанье по городу и Интернету, ни к чему не привело. Два раза я встречался со следователем, после того как сдал анализы, и ещё раз, примерно через полгода. Но и он не мог сообщить ничего нового. Или не хотел или не имел права – тайна, понимаешь, следствия. Оказалось, что и муж Киры – они не успели развестись, или не хотели, не мог рассказать чего-либо существенного по делу, разве что ушёл в запой, и некоторое время был абсолютно невменяем. Может, не вмешайся я в жизнь Киры, всё пошло по-другому? Она бы смирилась с неверным ветреным мужем, и обстоятельства изменились. Вадим мог помочь, если бы захотел и не был связан с профессором. Но я не стал заниматься самодействием, а постарался заполнить время до отказа. А следователь сказал нечто важное – не то, чтобы проговорился, а так, между прочим. Ты знаешь, как произошло, и где? – Откуда? Ни одно СМИ не комментировало, расследование – разве что, на оживлённом перекрестке. Что, всё так засекречено? – Не всё. Но ведь никто не позвонил, а свидетели должны быть, вот в чем дело. – Может, не хотели связываться, да и побаиваются. – Да знаю, конечно, и посему мы очень часто не можем найти никаких следов... – Всему своя причина, и всё же? Ты говорил, что на церемонии никого не было, почему? И какая диспозиция, когда? – Ты не считаешь, что излишне любопытен, – близкий возраст, относительная откровенность с моей стороны, способствовала переходу на «ты».

Играть убитого горем не приходилось, и поэтому я мог рассчитывать на получение определённой информации.

– Я – человек одинокий, бывшая жена устроилась нормально, дочка – тоже в другом городе, и я могу не бояться за родных. Вот только путей нет, понимаешь? Осень, мы встретились где-то в районе Суворовского, неожиданно тёплый вечер. Машина брошена неподалёку, две фляжки коньяка в портфеле, шоколадки. Из горла вместе с полковником можно пить где угодно. Но в меру, у них тоже не дремлет служба собственной безопасности. – Так слушай. Кто-то просчитал маршрут. Да что просчитывать, – мы хлебнули почти одновременно, – самое главное, почти под боком у нас. При въезде в элитный, мать его, квартал. Ну, не совсем. Там есть перекрёсток, – я кивнул, – знаю, мол, – и кто-то вклинился перед машиной. Район не очень населённый – Таврический сад, Смольный, простым людям делать нечего. Добыть таблетку или отсканировать код – не проблема для специалиста, и даже снять квартиру на нужном этаже. А Давыд Иванович, хоть и крупный бизнесмен, но не охраняемая государством персона. Так вот, впереди идущая машина – угнанная девятка, тормозит. И его машина тоже. Тут всё и происходит. Пуля, разрывная, кумулятивная, со второго этажа, место мы определили. – А не ошиблись? Ведь абсолютно всё учесть невозможно, я должен, просто обязан проверить сам – мысль мелькнула, но я продолжал слушать полковника, чтобы не упустить главное. – Такая пуля легко пробивает боковое стекло. Даже броня не могла бы спасти. И хоронили в закрытом гробу. Лучше не видеть. Наверное, предполагалось, что на пассажирском месте будет сам, так нет... Случайность? Нет. Мы проверили, по дороге из аэропорта их никто не пас. Сам сел за руль, твоя девчонка – рядом, чтобы пого-

ворить с папашей, а охрана и водитель – в её машину. То есть, с большой вероятностью, объектом покушения был хозяин. – Слишком просто, – я хлебнул ещё раз, – а вы не рассматривали версию, что это мог быть просто акт устрашения? Даже не в смысле, убрать конкурента, а для профилактики....

Полковник пристально посмотрел на меня – бьюсь об заклад, его тоже посещали подобные мысли. Ведь Давыд Иванович, пусть и был весьма состоятельным, не мог претендовать на знаковую роль в городе, вроде губернатора или председателя законодательного собрания.

– Если хочешь прожить положенный срок, забудь об этом, – грустно, но с напором ответил мой визави, – лучше ещё выпьем и помянем безвинно погибшую.

Что мы и сделали...

– А он мог быть выбран совершенно случайно.

Видимо, я наступил полковнику на большую мозоль. Расследование иногда упирается в стену, преодолеть какую нет ни малейшей возможности, разве что увеличить количество трупов.

– И последнее – скажи, это ты?

– Не понял?

– Ну, на Московском шоссе, нашли, под асфальтом. Там никаких работ не предполагалось, и.... Докопались...

– Да, конечно, и храм Артемиды в Эфесе....

– Понял, но как?

– Защита любимой женщины, – объяснить иначе было невозможно, да полковник и не требовал, – если никого не найдёте, обращайтесь ко мне. Только никто не поверит. – Сейчас никто не верит, никому, – как-то горестно вздохнул полковник, выматерился, – в общем, полный... Мы сидели на круглой площади, никому не мешали.

Вряд ли кто мог помешать беседе двух весьма представительных мужчин. Погода благоприятствовала, но я чувствовал, что полковник что-то не договаривает.

– Скажи, если это не секрет, вы смогли определиться с мотивами?

Ответа я не получил. Он только согнулся, охватил голову руками, – извини, все раскалывается, мысли не собрать.

– Прости, я не знаю твоих обстоятельств, я ведь говорил, что у меня же ограничений нет. И терять нечего.... Я немного лукавил – появились новые привязанности, и планов громадьё.

– А ты думаешь, всё разрешится, если и тебя замочат?

– Нет, но хотя бы в каком направлении рыть? – Мне кажется, что... – он задумался, – есть одна линия – устрашение. Перед очередным глобальным переделом собственности. Больше он ничего не сказал.

– Подожди, – я не мог точно сформулировать вопрос, но – мотивация. Ведь Кира не была столь лично богатой, то что – отец – это одно, он же в полном расцвете лет. Она старалась организовать свой бизнес, правильный, можешь мне поверить, и вряд ли испытывала желание кому-либо перейти дорогу. И отец её, пусть и миллионер, но далеко не самый богатый и не публичная фигура.

Мы невольно повторялись.

– То-то и оно, – полковник замялся, – в общем, тебе не следует слишком глубоко вникать в это дело. А мне нужно ещё кое-то уточнить. А ты слишком глубоко копаешь, ну, давай, ещё помянем....

В тот момент я не понял, что может означать брошенная фраза. Но... – К сожалению, мне тоже приходится сдерживаться. Однако мне показалось, что полковник знал несколько больше, нежели поведал мне. Версия стрельбы из окна была правдоподобной, но требовалась

проверка. Интересно, не случайно ли он сказал так? Чтобы как-то активизировать мою активность в расследовании, или же сам опасался чего-то?

Полковник не стал вызывать служебную машину – наверняка его встречи контролировались, лишняя засветка ни к чему. Мы заказали такси по мобильному. Я назвал адрес за пару километров от моего дома. Вышел из машины и проследил, пока та не скроется из виду. А дальше – автопилот по не слишком людным местам. Благо, был вечер пятницы, а субботу я просто вычеркнул из календаря.

Больше с ним мы не встретились – он погиб в результате несчастного случая, вместе с ещё тремя гражданами России. Теракт?

– Да нет, элементарное происшествие – автомобиль потерял управление и выехал на тротуар, погибло несколько человек. Почти у здания МВД, автомобиль скрылся с места происшествия. Его нашли брошенным минут через десять на одной из Советских улиц – естественно, никаких следов и отпечатков пальцев.

В прессе об этом много писали, но у меня были огромные сомнения в случайности произошедшего. Верить никому нельзя, это закон. Круг сжимался, я был готов, что могу стать следующим. Но почему не я, а человек, попытавшийся распутать клубок? Пока я этого не пойму, – инстинкт подсказывал, никакого продвижения вперёд не будет. Полковник погиб, я не привожу его имени, пусть он так и останется полковником, возможно, любое упоминание может накликать беду на его осиротившее семейство. Несчастный случай – пострадало ещё шесть человек, вроде – банальное происшествие, виновник с места скрылся. А информация обо мне – зафиксирована, или как? Чего опасаться, и в каком направлении действовать? И я понял, что полковник узнал нечто, что знать ему не положено. Значит, мне следует быть максимально осторожным, если я хочу не только выжить, но и докопаться до сути. И не подвергать опасности заполнивших мою жизнь людей.

Лучший способ держать форму и не впадать в отчаяние – абсолютная занятость, запрет мозгу выходить за грани разумного. И никакого алкоголя.

Работа, виртуальные беседы с Боримиром, прижившиеся на балконе гирьки... Живот пропал сам собой, силы прибавилось, даже пришлось купить костюм на размер меньше. Уход от постоянно терзающих мыслей. Хорошо, что работой был загружен по горло. Ещё несколько поездок в столицу, раз в две недели, но уже без эскорта. То ли у Аллы не было дел в Москве, то ли руководство решило, что меня больше пасти не след. Спрашивать неразумно, да и возможности подобной не было. Она получила повышение, редкое в таком возрасте, её сменила очередная симпатичная секретарша, тоже называвшаяся референтом, но не та.

С Аллой мы изредка встречались и раскланивались – отдел, которым ей поручили руководить, находился в другом корпусе, через переход. Всего-то ничего. Я мог позвонить и по местному телефону, и по корпоративному мобильному. Поднимал трубку, и этим всё заканчивалось. Мне было неловко, ведь оба раза инициатива была с её стороны, снять стресс или пожалеть, а навязываться в моем возрасте смешно. И – признаюсь, я боялся привязаться к девчонке, зная, что все это ненадолго.

Наверное, я был полезен или действительно нужен, но ведь не настолько, чтобы мои доходы – при переходе всего-то на одну – полторы ступеньки вверх, выросли на порядок. Вроде я не стал так уж много работать. Непорядок, когда специалисты, обеспечивающие жизнеспособность фирмы, получают раз в десять меньше. Но подобная ситуация – именно в данный момент, была мне на руку. Я теперь мог обосновать свои траты – лежавшие на счетах убитые еноты, – я мог снимать проценты и существовать безбедно, – позволяли мне использо-

вать средства в экстраординарных ситуациях, не привлекая внимания. И я занялся поиском и постройкой нового жилья.

Я старался – скорее, по привычке, работать исключительно по правилам, нежели ради развития карьеры, трезво оценивая свои возможности. Подобное обстоятельство – ведь изменение статуса произошло безо всяких попыток с моей стороны, тоже вызвало тревогу, что, на меня рассчитывали, или пытались нейтрализовать определённым образом? Алла – так ли случайно мы оказались в одном купе? Лучшим образом действия было сохранение невозмутимости, мол, все идет как надо, и заниматься своими делами. Возможно, девушка могла бы что-то прояснить, но, только в том случае, если сама включена в процесс. С головой у меня в порядке, но в подобной ситуации любые предположения выглядели вполне естественно.

Обед – дело святое, готовить для одного себя вечером получалось не всегда, да и не хотелось.

Я обедал чуть позже основного потока, и занимал столик возле окошка, из которого открывался великолепный взгляд на пруд, окруженный почти потерявшими листву деревьями, но оставшаяся листва образовывала великолепную цветовую гамму. Серое небо безучастно отражалось в спокойной воде, ежеминутно меняя конфигурацию – облака плыли все ниже и ниже, но до холодов, казалось, было далеко. Ноябрь? Что-то слишком тепло для последней декады.

Наша столовая разделена на несколько секций, по четыре столика, три из них были заняты. Поставив поднос, я прошёл к стойке кафетерия за стаканом персикового сока, перебрался парой фраз с буфетчицей, сделал несколько глотков. Вернулся, и заметил, что место напротив занято – салат, фрикадельки, компот, никакого хлеба.

Я приступил к трапезе, и почти сразу же появилась моя визави.

Оторвавшись от трапезы, я невольно посмотрел на того, кто решил составить мне компанию, Алла. Она смотрела на меня и улыбалась.

– У вас завидный аппетит.

– Не жалуюсь, – я тоже улыбнулся, – складывая из двух бутербродов один.

– И на ужин столько же? – Между делом, моя собеседница не могла пожаловаться на отсутствие одного.

– Как получится, – я не стал распространяться, ибо Алла была в курсе моего семейного положения – женщины, они всегда всё знают.

– Заведите кого-нибудь, кто приготовит, – моё предположение оказалось верным.

– Уже завел холодильник, миксер, микроволновку, кофеварку...

– Основательно.

– А как же.

Мы замолчали, не прерывая пережевывание пищи разговорами, потом я, извинившись, покинул на время столик, чтобы принести кофе.

– Тест на беременность отрицательный... – к чему бы это? Но я привык ничему не удивляться и не реагировать, пусть только внешне, на экстраординарные ситуации. Посему посчитал, что подобный вопрос проще всего перевести в шутку.

– Это легко исправить, – чёрт дернул меня за язык, вылетело буквально на автомате, мы уже допивали соки, она посмотрела на меня в упор, ресницы захлопали, кровь прилила к лицу, – признаться, я не ожидал подобной реакции.

– Каким же образом?

– Лучше – традиционным. Ужин со свечами, интимная обстановка, мартини. После посещения филармонии.

– А почему именно филармонии?

– Ну, неудобно так сразу, – я, как мне казалось, разрядил обстановку и натянуто улыбнулся.

Что-что, но произошедшее после этой моей почти невинной фразы, повергло меня в шок. Девчонка вдруг засуетилась, схватила сумочку, расстегнула молнию. На стол вывалились кошелёк, губная помада, пропуска, банковские и дисконтные карточки, ключи, пудреница.

– Вот. Два билета, – и протянула мне две плотных картонки, – как раз на сегодня.

«Вивальди, „Времена года“, исполняет симфонический оркестр филармонии». Я пытался вчитываться в напечатанный текст – наивно, со стороны выглядело нелепо. Но – чем вопрос тупее, тем больше он соответствует реальности.

– А мы успеем перекусить – вроде на Садовой до сих пор подают вкусные булочки со сливками, – я уже не сомневался, что второй билет предназначен для меня.

– Да, собственно, – девчонка, а смутилась. – А, почему бы и нет, – про себя, пробормотала, – нет, мне нужно заехать домой.

– Если проблема только в этом, то она вполне решаема. Моя машина.

– *Вот, влипла, – мне показалось, что именно это девчонка произнесла про себя.*

В очередной раз мне пришлось убедиться, что женщинами в большинстве случаев движет банальный интерес – узнать всё, ничего не обещая, и не задумываясь, почему. Собственно, после бесподобной ночи, а, точнее, двух. От кого зависело продолжение? Уж точно не от меня.

Я сидел в машине, лениво покуривал в окошко, а время, казалось, тянулось со скоростью черепахи, или вообще остановилось.

– Куда?

– К Калининскому мосту, мы там живём, я стараюсь ходить пешком, полчаса, и на машине езжу редко.

Я посадил девушку возле недавно капитально отремонтированного элитного старого дома. Со старинными подъездами, решётками на первом этаже и чугунными воротами. Ждал немного – она появилась без двадцати семь.

Как и моя бывшая, Алла могла совершенно не заботиться о своей внешности, но – вечернее платье с глубоким вырезом сзади, прикрытом прозрачной вуалью. Лёгкая шаль, туфли на высочайших каблуках и клатч дополняли образ. Осталось встать в строй и салютовать. Моя роль – войти в филармонию с осознанием собственной значительности, девчонка держала меня под руку. Все хорошо, но Алла смотрелась в лучшем случае моей племянницей. Как она ухитрилась за пятнадцать минут превратиться из красивой молодой девушки в ослепительную женщину – одному богу известно. Я виду не подал, и старался вести себя естественно, что удалось не без труда. Филармония, однако, Большой зал, приличная публика, семьдесят восемь люстр. Впрочем, ей было всё равно. Но не мне – я хорошо помнил, как был здесь с Кирией. Совпадения буквально преследовали меня.

Билеты в партер Алла проигнорировала, мы поднялись на хоры, где было почти пустынно. Возражать против этого я не стал, она вправе выбирать, Вивальди – он и на балконе Вивальди, а рассматривать симфонический оркестр и маленького японского дирижера, колдующего волшебной палочкой. В нашей паре я был лицом ведомым, против чего не возражал. И мог осторожно обнимать спутницу за почти обнажённую талию – почти в рамках приличия. А, может, можно и нужно было и нарушить?

Бесконечная вечная музыка, шампанское в антракте для нее, и апельсиновый сок для меня.

Девчонка снова взяла меня за руку, нежное прикосновение. Не реагировать, держаться естественно.

– Спасибо за прекрасный вечер, какая энергетика. А с Вами, – ещё прекрасней, – на этот комплемент я вполне имел право. Однако время для сантиментов закончилось, ибо налетел сильный порыв ветра, с небо посыпалась снежная крошка, затем и снег, осенний, плотными хлопьями. Пришлось припустить к припаркованной неподалёку машине.

– Скажите, как все быстро меняется. Погода....

– Да уж, где живём, и так долго держалось лето. Сейчас включим и согреемся.

Я посмотрел на девчонку, и понял, что сегодня нам предстоит обмениваться нейтральными фразами, обсуждать концерт. Но мне сложно было вклиниться в мир незнакомой мне музыки. То есть, что-то откладывалось в мозгу, и были старые воспоминания. Тормозила необходимость держать все под контролем. И все же мы оба чувствовали себя обновлённым. Я поймал себя на мысли, что говорю, думаю – мы, это неправильно, отмщение ещё не свершилось, но Алла здесь.

– Хорошо, тепло.

– Спасибо, что пригласили, после такой музыки чувствуешь себя воспарившим, извини, не знаю, как точно...

– Ага, я тоже хожу, только редко и одна.

Конечно, я здесь не причём, и понимаю это. А вдруг – наоборот, намёк?

Девушка пристегнулась, откинулась на сиденье, приподняла подол – длинное платье, и неудобно, понимаю. Помочь, не выпуская руля. Рука на коленке. Легким касанием. Детский сад...

– Я живу с родителями, так что... – она замялась... – не могу пригасить к себе.... А ты?

– Один, только свечей нет, – я говорил именно то, что полагалось, не более, остальное – в подсознании.

– Есть, – из маленькой концертной сумочки, клатч называется, извлечена фигурная тёмно-бордовая свечка.

– А родители ругать не будут?

– Будут, если только не предупрежу.

И на Сенной я свернул на Московский проспект.

Алла молчала всю дорогу, съёжившись, и погрузившись в свои мысли. Не потому, что было прохладно – салон быстро прогрелся, видимо, тому были иные причины. Я не спрашивал. Никто никому ничего не обещал, а вечер в филармонии был действительно хорош. Едем и едем. Но привести домой женщину, после Киры.

Постель у меня не убрана, зато посуда чистая и в квартире порядок. Впрочем, от прослушанной музыки я пребывал в состоянии необъяснимой эйфории, как-то незаметно потеряв ощущение времени.

– Извини, только у меня дома бардак, – к тому времени ремонт я ухитрился завершить, действие отвлекает от реальности бытия, так что внешне все должно выглядеть не так уж и плохо.

– Ну почему все мужчины так торопятся сообщить именно мне, и никому более, об этом? Какая, в сущности, разница, если я уже пришла? Почти. Наверное, потому, что ты решаешь спонтанно, не так ли? И попадаешь в реальную ситуацию. Ты так уверен, что я поднимусь к тебе?

То, что произошло в поезде, ещё ни о чем не говорило. Совпало. И лелеять себя надеждами – бессмысленно и безнадежно. Главное – девушка пока не была готова к продолжению отношений. И это было хорошо, как ни странно. Поезд – не в счёт.

Вечер закончился, больше тем для беседы не было, как и непреодолимой страсти, что мгновенно бросает людей в объятия друг к другу, разве что о концерте или работе, и что?

Я снова включил мотор и развернулся.

– Ты бесподобна, спасибо за прекрасный вечер, – о, чёрт, какой снег! Он сыпал огромными хлопьями, и уже не таял на асфальте. Дворники на стекле работали, в отличие от пребывающих в прострации дворников реальных – само растает, но видимость не более десяти метров, хорошо, что дорога была свободна. Я остановился напротив её подъезда, но надо было пройти ещё несколько метров, – и на самом ли деле она жила с родителями? – Всё, приехали. Подожди, накинь курточку, – на заднем сиденье у меня лежала утеплённая ветровка с капюшоном. Я перегнулся, чтобы достать, – вот. Почувствовал её губы на своих, пусть подразумевалось мелком, но не вышло. Вкусный поцелуй затянулся.

На сегодня приключений довольно, пора домой. Ночью Московский не загружен, я поехал прямо, и не гнал без толку. На круглой площади я не свернул на Московское шоссе, а доехал по Пулковскому до Дунайского. И вновь ощутил вибрацию доступного лишь мне пространства. Неужто, начинается очередной этап? И сегодняшней поход в филармонию – сигнал? Завтра нужно будет пройтись, благо временем я не ограничен. Фиолетовый, почти чернильный сумрак окружал меня. Адреналин наполнял кровь, но всё завтра, нет, уже сегодня вечером.

На следующий день мы с Аллой не встретились на работе и это хорошо – я мог спокойно заниматься своими делами, не отвлекаясь, а вечером обойти роковой квартал. Атмосфера ещё более сгушалась, и никто, кроме меня, этого не замечал. Да и прохожих практически не было, под ногами хлюпало, небо приняло привычный свинцовый цвет, мрачно отражаясь скользкой глади прудов. Уточки ещё плавали, возможно, останутся на зиму – желающих покормить их не убывало.

Я осмотрелся, и мне показалось, что диспозиция квартала изменилась, возможно, такое впечатление из-за темноты и рассеянного света близлежащих домов и редких фонарей. Все, надо переключиться, завтра утром на работу, а вечером снова в Москву, один, нужно сохранить трезвую и свежую голову.

С непривычки слегка продрог. Но обходить парк нужно было только пешком. Ничего.

Дома – горячий душ, обогреватель, чай с пряниками. Я включил санкт-петербургские новости. Не с самого начала, услышал только краткий обзор в конце. Автокатастрофа? Слушайность? Прокуратура взяла под особый контроль. Виски сдавило неимоверной тяжестью. Тиски. Взрывается мозг. Какой, на фиг, сон. Обрубают концы, в случайность я не верю. Шок. Но нужно жить и работать.

Похороны проходили в среду, с соблюдением воинских почестей. Я вернулся из Москвы утром, но о том, чтобы идти – речи не было, я понимал, что любой посторонний, заинтересовавшийся этим траурным событием, попадёт под колпак. И сам полковник говорил, что в подобных случаях ведётся скрытая видеосъёмка.

Новый договор на казавшуюся нереальной сумму был подписан. Я доложил начальству, и оно оказалось довольным, хотя я ничего особенного не сделал. Слава не всегда достается гонцу, и хула – непременно.

Я механически поглощал обед, просто обязан поддерживать существование, быть в форме, не задумываясь о вкусе. Ко мне подходили, здоровались, я что-то отвечал, и думал, думал. С гибелью полковника оборвалась последняя нить, за которую можно было зацепиться. Но ведь и он, как и я, не сказал всего, что знал. И даже за это знание поплатился. Мне было хреново, отвлекали только рабочие обязанности.

– Привет, – на стул напротив опустилась Алла, – как дела? – Сегодня она была в лёгкой курточке, накинутой на тоненькую шерстяную кофточку под горлышко и в джинсах.

– Вот, из Москвы вернулся, и прямо на работу.

– А больше не поеду. Наверное.

– Почему? – я почти закончил обедать, остался только сок, а вопрос задал автоматически

– Причина отпала, – я кивнул и не стал уточнять, – то ли я больше не нуждаюсь в опеке, то ли с бой-френдом столичным сложности. Но в это вмешиваться не буду, не моё дело.... Скорей всего, по новой должности не положено разъезжать.

– А сегодня опять филармония, Гайдн, Моцарт, «Реквием».

– Отлично, – только этого не хватало, совсем ко времени. Возможно, в моем голосе не было необходимой теплоты, и она могла принять это на свой счёт:

– Вы что, обиделись? – Мы все склонны проецировать реакцию собеседника конкретно на себя, считая себя – пусть в момент разговора, источником эмоций, все правильно. Простите, я подумала.... На вас лица нет.... Я пойду, да? – но она хотела получить ответ.

– Нет, – я натянуто улыбнулся, – Гайдн.... «Реквием». Конечно...

– Ну, тогда.... Вы заедете в половине седьмого? – Меня снова зовут на «Вы», а «Реквием»...

– Вы что? – когда зазвучал «Реквием», я не смог сдержать слёз, – она запнулась....

Я сжал зубы, вытер глаза платком.

В антракте девушка отказалась пить шампанское, и только держала меня под руку. И, казалась, была испугана. А вдруг она связана с этим? Ведь проявлялась после или во время трагических событий. Думай, Антон, думай.

– Поедем ко мне, родители уехали на три дня в Финляндию, и я свободна.

Прямо так прямо, выехать на Садовую, и никуда не сворачивать. А девчонка то ли хотела шокировать меня, то ли продемонстрировать всем – но ведь имела право – свою неотразимость, пришла в филармонию в джинсах, с вытертыми коленками, в немислимом свитере ниже ягодиц, кроссовках и футболке без лифчика. Ну-ну, конечно, на неё глазели, и молодежь, и те, кому вовсе не положено. А она держала меня за руку, и как это было со стороны? Впрочем, какое это имело значение.

Во дворе её дома закрытая парковка, как и у бедной Киры – кованные ворота, открывающиеся с помощью пульта. Но я заметил это в прошлый раз. И они тоже открылись после щелчка пультом.

– Да, поставь здесь.

Какая мерзопакостная погода. Снег с дождем не прекращался, хорошо, подъезд почти рядом. И под козырьком.

Мы поднялись на третий этаж четырёхэтажного дома – та же дверь известной фирмы, ключ, доверенный мне... ну, да, а как же... Прихожая. Размером чуть ли не в пол моей квартиры, новые тапочки, исключительно для меня. Меня ведут за руку, на второй этаж. Я не сопротивляюсь, в голове ещё звуки Реквиема, а в душе – абсолютная пустота. Но девчонка. Она не зажигает большой свет, но даже бокового освещения достаточно. Двухметровая комната, примерно, ближе к окну – постель, придётся ли мне её опробовать? Что, так и задумано?

Рабочий стол с ноутбуком. Шкаф-купе, зеркало от пола почти до потолка, ещё одна дверь. Накрытый столик возле ложа, чисто белая льняная салфетка, безо всяких узоров, только три бутылки – на другом сервировочном столике на колесах, на нём же – свечи и два фужера.

Я так понимаю, девушке более интересен процесс, нежели его участники. Она смотрит на меня, гордясь произведенным впечатлением. Если бы она знала, что,... но ей-то зачем?

– Чай, кофе?

– Туалет, мыло, полотенце, тапочки, – улыбаюсь я. Нельзя огорчать её – что бы то ни было, она ко мне искренне расположена.

Санузел и маленькая кухонька на этом этаже, чайник кипит, кофеварка – тоже. Девушка полностью автономна на своём этаже.

У меня – никаких устремлений, просто хорошо. Ведь так бывает, да?

Чай, бутерброды, пирожки. И ослепительно красивая девушка.

Я не проявляю активности, и девушка – тоже. Если в купе все вышло естественно, то – как начать теперь? Обнять, поцеловать, посадить на колени, шептать ласковые слова. Но не получалось.

Несколько фраз о музыке, вкусных пирожных. Вроде иногда меня можно, но немного, музыка, сопровождавшая наши посиделки. Не Моцарт, но музыка сфер. Она гипнотизирует, затягивает, но....

Я не сбежал, а попрощался с некоторым сожалением (надеюсь, она этого не почувствовала) почти за полночь. И опять – легкий поцелуй в щёчку.

Музыка по-прежнему звучала в моих ушах. Я жив, здоров, сейчас, или чуть позже, буду обладать одной из прекраснейших женщин, не важна причина, приведшая её в мои объятия. Я был бы счастлив, если бы обстоятельства были другими. И не ужасающая разница в возрасте. Уже гораздо позже я понял, что женщин это остановить не может.

Грубые будни В

Алла

Алла разговорилась, потягивая кофе:

– Прикольно, но ты старше моего папаши. Вот бы он удивился, узнав. Правда, он тоже не отстаёт, кстати, твоя новая секретарша – его пассия, так что, будь острожен, или ты не прочь оприходовать всех смазливых бабёнок?

И тут я вспомнил недавно случайно подслушанный разговор. Женщины много знают, а замечают ещё больше. И как не поделиться! Особенно на перекуре. Я вышел на улицу, присел на скамейку, отделённую от других высоким кустарником, продолжая думать над текущими делами, и вдруг услышал...

– Ну, как тебе новый шеф?

– Нормальный, не гоняет и не пристаёт, – голос показался мне знакомым, – даже обидно, – весело так.

– Куда уж, – тоже со смехом, – он же Бармалейку склеил, так что...

– Какую Бармалейку?

– Да Аллу, она ж до тебя была, а сейчас заведует отделом, по каким-то инновациям.

Гм, что-то интересное, это ком это они? Я почти догадался.

– У неё же другая фамилия! Почему так?

– Так это до замужества! А потом развелась, не знаю, что и как, и теперь может погулять.

– А-а-а, теперь понятно....

И я понял, дальнейшее не представляло интереса. Но откуда они всё знают? На работе мы с Аллой общались исключительно по делам, после работы. Не исключено, что и в филармонии были не только мы. Впрочем, женщины подмечают малейшие нюансы.

Алла свободна, и вольна распоряжаться собой и делать осознанный выбор, и я сказал, практически на автомате, ещё не закончив прокручивание воспоминаний, получилось нечто вроде контраргумента:

– А как твоя мама к этому относится? – Интересно, как ответит девчонка. И слышу:

– Ну, если бы ты сначала познакомился с ней, то у меня не было бы никаких шансов.

А у меня были, но Алла осталась в своей двухэтажной квартире, а я медленно двигался по направлению к дому. К Алле надо относиться бережно, не торопить, иногда даже тормозить – неудачное замужество (я это мог предположить), не могло не наложить свой отпечаток. А разыгрывать из себя пылающего страстью юнца – смешно. Хотя...

И ещё я узнал, что её отец – зам главы районной администрации, а мама руководит каким-то фондом, и я мог видеть по телевизору (если бы знал и смотрел), и... знает об этом, но сохранение репутации прежде всего. Я кивал, но что-то пропустил мимо ушей.

На следующий день, обед – на этот раз мы договорились, неожиданно:

– Если я буду заходить к тебе, ну, по старой памяти, это не повредит твоему имиджу, или ты возражаешь?

– Почему бы и нет? Коллеги, связаны по работе. Наоборот, только поможет. Я натянуто улыбнулся.

– Это вряд ли, – она серьезно, – не всем понравится. Девчонки знаешь, какие ревнивые. А ты уходишь от ответа. Ладно, согласна, мы будем встречаться, но только когда я захочу. Приеду к тебе, или сюда.

Она уже ставит условия, но меня это лишь забавляет.

На очередном корпоративном вечере, накануне ноябрьских праздников, Алла буквально приклеилась ко мне, всем своим видом давая понять – мол, видите, с кем я, и занята, так что не рассчитывайте. Великолепная актриса, но я мог гордиться и чувствовать завистливые взгляды. Короче, как она и предполагала, недоброжелателей прибавилось, но и хрен с ними. А реноме моё повысится.

Подумал лишь, как некоторые будут радоваться, когда наша связь неизбежно закончится.

В тот день, проводив Аллу, я вернулся домой в начале второго, безо всяких приключений и с совершенно холодной головой. Кофе в промежутке между постелью и туалетом, отключение телефонов, спать, никаких проблем. О девчонке почти не думал, и о причинах, приведших меня в её постель, и наоборот, тоже. У меня были свои заботы, посерьезнее. Ведь у меня была ещё одна параллельная жизнь. И я понял, что общение с Аллой меня стимулирует – вот главное отличие от Киры, когда я чувствовал, что из меня вытягивают последние соки.

Могу выспаться, Алла уезжала на праздники вместе с родителями в Финляндию, примерная дочка.

Оставив душ и прочее на утро, я заснул спокойно, как младенец.

Три дня прошли как-то быстро, я, на самом деле, отоспался,

Пообщался с Боримиром – он по-прежнему навещал меня – иногда один, иногда – с подружками.

– Ну, а девчонка где? – Про гибель Киры он знал, а про Аллу я ему не рассказывал. – Красивая, не теряйся.

Я догадался – наверное, он видел её после концерта, но деликатно не появился в тот день.

– И откуда тебе известно? – Я решил отшутиться.

А он, совершенно серьёзно:

– У нас свои источники информации, – и, без перерыва, – может и правильно, мало ли что может произойти.

Слова бурундучка меня насторожили, и я решил, что мне, пожалуй, пора перебраться поближе к месту трагедии.

После праздников, прошедших весьма условно, утром мне нужно было не на работу, а в местную командировку, на Петроградскую, представлять фирму и участвовать в принятии решений. Признаться в своей неполной компетенции нельзя, и последний день я готовился именно к предстоящему совещанию.

Завершив дела, я решил навеститься на место преступления, благо, это по дороге. Предыдущие посещения не принесли результата, они не могли быть частыми, преступники возвращаются на место преступления, отслеживают интересующихся. Я был уверен, что погибший полковник чего-то не договаривал, или намеренно уводил меня в сторону, дабы не подставить. По его мнению, я мог лишь навредить. В чем-то он был прав, но, раскройся он до конца, возможно, мы бы сейчас вели расследование вместе. Я вздохнул – ну почему достойные люди гибнут первыми? Появился ещё один повод для мести.

И я подумал, что надо на какое-то время поселиться именно здесь, чтобы иметь возможность осмотреть всё. Совершать вечерние обходы, как и на Средней рогатке. Может, удастся что-то почувствовать. Я снял квартиру по объявлению на улице Салтыкова-Щедрина, переименованной обратно в Кирочную. В самом её конце, неподалёку от Дегтярного переулка. Сталин-

ские пятиэтажки, маленькие квартирки с высокими потолками. Квартиры была почти пустой, видимо, её готовили к продаже, и пока сдавали. Я уплатил вперед за полгода, и решил на некоторое время обосноваться. А потом, как знает...

Поделиться своими планами мне было элементарно не с кем, вмешивать Аллу, я уже говорил, значит, подставить ещё одного человека. Я был уверен, что они не останутся ни перед чем.

Переехав Литейный мост, чудом не переименованный, я оказался возле «Чернышевской». С трудом нашёл место для парковки напротив Дворца бракосочетания, осмотрелся и направился по бывшей улице Салтыкова-Щедрина к музею Суворова.

Пешком. Но откуда здесь столько народу? Когда мы регистрировали свой брак, именно – брак, на улице имени признанного нынешней властью террориста, народу было гораздо меньше. Мимо бывшего кинотеатра «Ленинград», ностальгия не мучила, далее – на улицу, опять-таки, переименованную. Чем виноват автор путешествия из Петербурга в Москву – разве что тем, что, в сущности, ничего не изменилось. Мне как-то пришлось проехать по трассе, дела, и я полностью согласен с автором. Разве что гаишники появились.

Я попытался прислушаться к своим ощущениям – ничего. Но каждый шаг приближал меня к роковому месту. Я был слишком заметен ввиду своей неслабой комплекции, посему маскироваться не было смысла. Музей Суворова. Отсюда можно наблюдать тот самый проезд, именуемый Таврической улицей, и поворот. Я постоял напротив закрытого музея, как бы любуясь его великолепной архитектурой, и это правда. И одновременно осматриваясь. Так, что говорил полковник? Я не помню, как называется следующая улица, слава богу, пока что не перегороженная, хотя все дворы заблокированы. Кое-где даже шлагбаумы и милицейские будки. И просто так не войти ни в один подъезд на это намекал полковник, склоняя меня именно к этому варианту. Я нахожу – почти интуитивно – то самое окошко, где притаился снайпер. Новые стеклопакеты, входная дверь с домофоном, кодовым замком и круглосуточным дежурством консьержа. Но что все это может означать?

Я мысленно перенесся в ту самую комнату. Что бы я сделал, будучи на месте снайпера? Но моё воображение было заблокировано наплывающими кадрами из растражированных боевиков. Проникнуть в нужный дом. Если бы шел ремонт, какие проблемы. А так – нейтрализовать консьержа, не обязательно физически, просто сыграть нужную роль, подняться на нужный этаж под видом сантехника, электрика, специалиста по прокладке Интернета. А квартира? Что-то не складывалось. И нужно иметь время для подготовки и ожидания.

Я ещё раз уверился в том, что полковник не договаривал, а СМИ были заблокированы или давали только разрешенную информацию. А свидетели? Не может быть такого, чтобы никто не видел человека с кофром, чемоданчиком с инструментом, чехлом для гитары или набора удочек. Народ у нас наблюдательный, только не спешит делиться информацией.

Значит, полковник знал нечто, или вообще всё, и что его нужно было ликвидировать. Я мысленно, в очередной раз, представил схему, нарисованную полковником. По его рассказу выходило, что стреляли под углом не более тридцати – сорока градусов.

Я мысленно провёл прямую линию и оказался на уровне четвёртого этажа. С примерным радиальным углом градусов так тридцать. Если стреляли с другой стороны Таврической. Сидя на лавочке возле музея Суворова, с откупоренной, но я не притронулся, банкой, изображая неизвестно кого – погода – около нуля, под ногами – шуга мокрого снега, благо, подошвы толстые и носки – не замечаю.

А что, если в действительности был музей, или дом напротив. И стреляли – в упор или вдогонку? Об этом мне было неизвестно. Голова начала кружиться, хорошо, никого нет рядом, благо помирать не собираюсь... Вот... Схема складывается... Я даже представляю, как можно

проникнуть... Но это – мой секрет. И, значит, для снайпера – никакого сомнения, сто метро не имели значения? Кубики раскинуты. Но если я ошибаюсь. Кто сказал, что обязательно стрелять должны быть из окна?

Мимо проезжает троллейбус, загораживая перспективу, вот-вот я дойду до границы понимания. Но звонок на мобильник возвращает меня в реальность и мысль ускользает. А ведь и полковника убили неподалёку.

Троллейбус... загораживает вид... Едущую машину. Неужто это ускользнуло от полковника? Ещё раз рассмотрим первоначальную версию. Итак, можно примитивно проникнуть в охраняемый консьержками дом, приготовиться, жать, а тут – троллейбус, и машина под его прикрытием вне досягаемости. Но в том случае, если машина ехала по правому ряду, а троллейбус уже свернул. Нет, не подходит, хотя отбрасывать эту версию нельзя.

А что пишут газеты?

Пойти в библиотеку, пролистать подшивку, или порыться в Интернете? Слаб я в этом. А если опросить консьержей? Нет, те будут молчать – мол, ничего не знаю и ничего не ведаю. Лишиться места легко, к тому же стрелок должен был попасть на определенный этаж, в квартиру, ибо лестницы сориентированы с выходом во двор. Нет, не получается, и все же – смутная мысль зародилась. Я все больше склонялся к тому, что полковник излагал версию, специально созданную для меня – чтобы я поверил, поверил и в то, что сделано все возможное, и успокоился, если подобное возможно. И не мешал своими необдуманными действиями настоящему расследованию.

– Ты где был весь день? – У Аллы есть номера моих телефонов – и личного, и корпоративного. Но на совещании телефоны полагалось выключать.

– Трудился в поте лица, – я не лукавил, – был в «Моркомплексе», она знает эту контору, а координация работ как раз входила в мои новые обязанности, и, сказать по правде, небезуспешно, тон – как будто ничего не произошло, никаких упреков. Чтобы оставаться относительно нейтральным, нужно говорить всё как есть. Или почти всё. Однако звонок был, действительно, неожиданным.

– На работе сегодня будешь? – Куда там, уже половина пятого, – ах, что я говорю! А, завтра... Ведь... – Алла не продолжила, а я не предложил встретиться, не мог бросить дело.

– Ладно, только завтра не вздумай скрываться. Я сама зайду.

Шутливо так. Надеюсь, не сведется к банальному выяснению отношений, которые развивались как-то вяло.

Мы закончили разговор, но Алла сбила мысль, как тот стрелок.

Передо мной вновь встала схема, нарисованная полковником прутиком на песке – даже он не хотел рисковать и боялся оставлять какие-то следы, но наплыла тень, и я ничего не успел сообразить. Девчонку обижать незачем, у всех бывают свои выверты, к этому нужно относиться спокойно. Ей тоже необходимо время, чтобы привыкнуть. Или решиться на какой-то, пусть и не очень приятный для меня, шаг. Но я привык.

На сегодня хватит, мысль зародилась, и нужно время, чтобы она созрела окончательно.

Я вернулся к машине, развернулся, чтобы выехать на Таврическую, но диспозиция изменилась – пришлось объезжать загородивший дорогу троллейбус, обрыв контактной сети.

Я похолодел от внезапной догадки. Но мне в хвост просигналили.

И тут я решил – бог с ним, если Алла согласится, завтра, завтра. Она тонко чувствует, и наверняка знает, что в моей квартире уже была другая. И мне самому не комфортно – неизбежно перед глазами будет стоять Кира, и её образ будет с укором смотреть на меня. И первый визит может оказаться последним. Но подготовиться надо.

Я остановился почти напротив Заячьего переулочка, съехав с Суворовского, перешёл дорогу. Нужный мне магазин, о существовании которого я чудом вспомнил, как ни странно, функционировал. Я завернул налево – так, стопочка китайских полотенец, вот – голландское производство, но тоже из Китая. Рубашки. Обязательно купить фланелевую, в упаковке. В клеточку – синенькие полоски на сером фоне, с прожилками нежно-розового. Беру с запасом – пятидесятого. И махровую простыню.

Девушка за прилавком:

– А Вам не маловата будет? У нас есть такая же, но Вашего размера, – я отвлекаюсь и смотрю на продавщицу – если бы я привел домой её, то да, конечно. Пятый номер, приблизительно, чуть не вываливается за охраняемую обручальным колечком территорию, я оглядываюсь по сторонам – спинным мозгом, понятно – перемахнуть через барьер и решить вопрос однозначно. Она смотрит на меня в упор, глаза мутнеют. Интересно, я, что со стороны похож на вампира? Делаю скидку на то, что... Да ладно.

В холле появляется ещё один покупатель, она только успевает произнести:

– Вам что, девку завернуть или как, сама будет?

– Вы завтра работаете? – отвечать бессмысленно.

– Нет, послезавтра, а что? – Рефлекс, голос чуть срывается. Незнакомая тётка вмешивается в наш почти не начавшийся диалог. Мне продают заказанный товар, вместе с чеком протягивая визитную карточку, случайно касаюсь её руки. Чуть ли не взрыв и укор – ты, что, теперь сможешь трахать какую-то тёлку? – И – ответ – а тебя? – Только глазами, ... протягиваю и свою визитку – мол, если будет новая коллекция, непременно загляну. А как же.

Женщина вынужденно отвлекается на покупательницу, я беру объёмный пакет, и, слегка вспотевший, стараюсь не ускорить шаг, выхожу из магазина. Голографический образ обладательницы бюста номер пять, нет, четыре, нет, пять, получает своё место в стеке моей памяти. Не думаю, что заверну сюда ещё раз, но кто гарантирует?

Перехожу Суворовский проспект строго по светофору, пакет занимает заднее сиденье. Хватит, спешить не буду, и думать тоже. В том числе и о вклинившейся обладательнице четвертого-пятого номера даме. Это не случайно. Очередной знак? Однако я мысленно раздеваю её, благо мозг впитывает малейшие детали моментально, независимо от меня.

И я продолжаю думать. Что же там произошло? Но для этого необходимо ещё раз вернуться к музею. Но сейчас нельзя, нужно сделать это как бы невзначай, и попытаться реконструировать события, представив себя и в роли жертвы, и в роли организатора покушения. Фотография... Машина, после... Вывернула на встречную, её развернуло, столкнулась с – теперь не выяснить, а вот полковник знал, но снимок сделан как бы сзади, и из него не ясно. Нет, ясно. Посмотрим, как он развернулся.

И я решил завтра же перебраться на Кирочную, чтобы тщательней обследовать место происшествия. Там уже можно переночевать – я купил двуспальный матрас, бельё, электрический чайник. И совсем забыл, вернее, загнал в подсознание, возможное свидание с Аллой. Мозг переключился на решение другой задачи.

Грубые будни Г Минус Алла

Алла пришла утром, после совещания, на котором мы только раскланялись. Сказали, что в Москве открывается представительство, – а почему я не в курсе? – и возглавлять его будет...

Алла встала и поклонилась. Ах, вот почему. А я тупой, не понял.

– А сегодня вечером я уезжаю, в Москву. Наверное, насовсем.

Вот и узелок развязался, завязаться не успев.

Я мог что-то промычать, пожелать удачи. И опять перехватило горло. Моя слабость. Не мог сделать нужного шага, удержать девушку. А оправдываться тем, что, мол, не хотел подвергать её опасности, разница в возрасте, и прочее, – лишь нелепая попытка самооправдания. Но себя-то не обманешь. Однако... Взаимный интерес – да, любовь – вряд ли.

– И выхожу замуж. Наверное... – продолжила девушка, и...

Я ничего не слышал, только спросил:

– А тебя проводить?

– Нет, папа отвезёт, а в Москве встретят.

Лишь одна мысль о том, что её кто-то будет обнимать и ласкать, и ей будет хорошо, а я останусь в прошлом, чуть не ввергла меня в ступор. Приступ необъяснимой ревности.

– Не расстраивайся, жизнь идёт.

Я что, не смог сдержать эмоций?

Возможность пребывать одновременно в нескольких состояниях, ипостасях, требует определенного напряжения. Несколько секунд, минут. Я возвращаюсь в реальность...

– Антон, что с тобой! Ты бледный, не отвечаешь, я испугалась... Ну, хочешь... Я... Я с тобой останусь?

Пытаюсь изобразить на лице улыбку, но выходит как-то жалко, нет необходимости глядеть в зеркало. Врать, что-то придумывать. Всё правильно, удивительно, что она задержалась и была со мной так долго. Странно, что ничего отрицательного не случилось, пусть аура не всегда была благоприятна.

– Нет, чувства. Их не надо знать, их надо чувствовать. И нельзя себя насиловать, проверено на личном опыте.

– С тобой все в порядке, ты уверен?

Я более чем уверен, видение пропало, могу улыбаться внутрь.

– Кофе ещё? – девушка успокаивается. – Я посижу.

– Нет, зачем? Долгие провода, лишние слёзы. И работать надо.

– Разве ты способен плакать? – Искренне удивляется девушка, она не знает, что я просто выдернул всплывшую откуда-то цитату. Но я – способен, и ещё как...

– Поезжай, и – удачи.

– Может, я вернусь.

Зачем? По долгу службы я раз в месяц, после Нового года и рождества буду навещать в столицу. Видеть Аллу. Но смысл?

Достал несколько листов бумаги, карандаш, сел за стол. То, что дым будет наполнять кухню, меня не волновало, нужна была тишина, я даже не включил воздухоочиститель. Я бы солгал, что не был огорчен отъездом Аллы, девочка разбудила во мне совсем не нужные воспоминания, с ней можно было разговаривать, я чувствовал это, но не мог сказать главного. Того, что не отпускало меня ни на секунду.

Так вот, говоришь. Диспозиция – у меня, признаюсь, почти фотографическая память, я переношу на белый лист нарисованное на песке полковником. Трёхмерное изображение дается мне плохо, я даже не представлял, как к нему подойти. Но что-то вырисовывалось, я пытаюсь прорисовать траекторию пули, отрешившись от эмоций. По всему выходит, что – если провести кривую до дома. Но там всё прошерстили до основания – кто, когда где был, если отсутствовал – то почему, наверное, даже продернули консьержей на полиграфе. Необходимая работа, лишь ещё раз убедиться, что проникнуть ни в один из близлежащих домов практически невозможно, если...

Если ты не житель дома, обслуга, почтальон, пожарный, милиционер – последнее шокирует консьержек, тут не до проверки документов. Ага, форма. Об этом я читал, и даже думал. Понял, что заикнулся. Тупик? Но вот угол. Директриса стрельбы? Тут не выше третьего этажа, однозначно. А кто ещё может не привлечь внимание – да, униформа. Что же еще? Надо проверить, не было ли здесь ремонта фасадов – дома окутаны строительными лесами. Да, вот ещё – строители. Записываю себе в память – проверить, ремонт – очень хороший повод, забраться на леса особого труда не представляет, особенно, если другие рабочие по-русски ни ухо, ни рыло. Придётся идти в библиотеку, пролистать газеты. Поиск в Интернете. Хорошо, но, если они отслеживают, то наверняка узнают, от кого поступил запрос. Если выходить с рабочего компьютера, тоже могут пробить. Придётся, как всегда. Голова раскалывалась.

Очередной выезд на место происшествия. Да, пусть я буду ходить по кругу. Возможно, я упустил что-то главное, или не главное, а какую-нибудь мелочь. А она окажется связующей ниточкой.

Прокручиваю, на всё будет завтра. А сейчас выспаться. Падают мокрый снег с дождем. Алла уже в поезде, сейчас это просто. Но меня это не должно волновать. Но... *Revenons a nos moutons.*

Нет, что-то не складывается. Предположим, никакого ремонта фасадов не было, тогда что? Кто ещё может не привлечь внимания? – Да только те, кто нас обслуживает. Вот, например, троллейбус. Обрыв контактной сети – я возвращаюсь к давеча потерянной мысли, приезжает ремонтный, некто поднимается на крышу, имитирует работу, а в это время наблюдает за движением, будучи ежесекундно наготове. Но каков лимит времени?

Водитель троллейбуса, упёршегося в обрыв, непременно сообщит диспетчеру, опустит рожки и станет ждать. Вопрос – сколько? Минут десять, пятнадцать и что? Подмена будет замечена. То есть, данный вариант маловероятен, но совсем отбрасывать его нельзя.

Часа через три я утомился, и меня поклонило в сон. Я бухнулся прямо на одеяло – бельё собрал, во избежание не знаю чего. А, у меня выработался условный рефлекс. Надеюсь, в обозримом будущем никто не нарушит моё уединение. Засыпаю на пару часов и просыпаюсь, не скажу, что бодрый, ещё кофе, а перед этим – гири на балконе. Откуда на Кировной гири? Здесь и балкона нет. За руль, ухитрившись не наступить в образовавшуюся лужу – смесь воды и образовавшегося льда.... И на работу, пробираясь через пробки – из центра выбраться сложно.

Вечером снова подъезжаю к роковому месту. Паркуюсь на Кировной, ближе к съёмной квартире, но с другой стороны Суворовского, перехожу проспект. Началась вторая декада ноября, фонари синхронно зажигаются, становится светлее, красиво, а скоро новый год, вообще.

Иду по Таврической, народу теперь живёт здесь немного – дома расселили, а богатые новые жители не склонны дефилировать по улице в такую погоду. Но некоторые фонари не горели. Я невольно испытал раздражение – неужто к зиме нельзя было подготовить! Насушил в лужу, промочил кроссовку, чертыхнулся. Допустим, я узнаю, откуда стреляли, и что?

На углу Кирочной и Таврической я едва не столкнулся с пожилой женщиной, видно, из местных, и, совершенно неожиданно для себя, услышал:

– Ну, сколько можно, ремонтировали, ремонтировали, и ничего не сделали, до сих пор фонари еле горят.

– Извините, пожалуйста. Вы правы, ничего не разглядишь.

Разыгралась внезапная метель, крупные хлопья падали на лицо, таяли, видимость нулевая.

– А летом здесь человека убили. Как раз ремонт начался.

– Да ну? – Сыграть естественность не представлялось сложным.

– И, представляете, среди бела дня, а в такую погоду вообще страшно из дома выходить. То делят, то стреляют.

– А почему так? – Я поддерживаю женщину под локоток, помогая перейти улицу, и нутром чувствую, что узнаю нечто важное.

– Да кому-то дорогу перешли, вот их и того.

– И часто здесь такое у вас? – Спокойно, не выдавая заинтересованности.

– Так вот, тогда, – мы уже вступили на тротуар, – оттуда и пальнули.

– С фонаря, что ли? – Я деланно усмехнулся, как бы демонстрируя безразличие. Пульс, однако, если измерить, зашкаливал.

– Много знать вредно, да с той самой фонарной машины.

Что за фонарная машина, я чётко представил, неужто моё фантастическое предположение подтверждалось?

– Ой, осторожнее, – мне пришлось поддержать поскользнувшуюся женщину, – снега напало, скользко, и лужа вот.

– Сейчас бы дойти, а завтра уберут, – уверенно сказала она, – тут начальство ездит, не позволяют.

Ну, раз уж начальство. Я довёл её до подъезда, без приключений. И тут понимаю, что джинсы мои мокрые чуть ли не до колен. Так, а что бы я сделал? На месте тех? Ремонт светового оборудования не должен вызвать подозрений. Я сам неоднократно видел, как подъезжала специальная машина, поднималась кабина на уровень фонаря. Электрик проводил необходимые манипуляции, заменяя лампу, или чинил контактные провода. Приезд такой машины воспринимался как нечто вполне естественное, и вряд ли откладывался в сознании обывателей. Выдвижная стрела имеет на своём конце кабинку, маленькую огороженную площадку, на которой устраивается электрик-ремонтник. И приспособления, принесенные им, тоже не вызывают никаких подозрений, вот в чём дело. Что бы сделал я? Ну, естественно, уложил винтовку в чехол, спокойно поднялся вверх, пристроился к столбу – дело происходит днём, поэтому фонарь естественным образом не горит. Спокойно собираю винтовку, выбираю точку прицеливания. Остается ждать сигнала и не пропустить выбранный объект. Что я и делаю – даже могу спуститься на нужную высоту. И жду. Да, вот так. Оставшееся время можно проводить манипуляции с фонарём, но не отвлекаясь, и ждать сигнала – объект подъезжает. А дальше – дело техники. После происшествия – неизбежная паника на какое-то время, на ремонтную машину никто не обращает внимания. Пять минут – и на месте происшествия никого нет, разве кто успел снять на мобильный телефон. Версия вполне реальная, но, если и так, то...

Я шагаю по Таврической, не замечая луж и снежной слякоти под ногами. Джинсы прилипают к ногам, сейчас заберусь в машину, включу обогрев. Переодеться бы. Надо отвезти сюда и одежду.

На Суворовском ноги сами заносят меня в магазин. Тот самый. Поднимаюсь, несколько ступенек.

– Молодой человек, мы закрываемся, – машинальный взгляд на часы, уже без семи восемь. Конечно, для ровесницы я вполне молодой.

– А если я успею, посмотреть можно?

– Ну, пожалуйста, – усталый голос, я подхожу к стойке, на которой вывешены и джинсы, и рубашки. И даже какие-то туфли... Мой 54-й размер не является дефицитом. М не бы переодеться, промо до нитки

– Пожалуйста, посмотрите здесь.

Я выбираю все, более-менее подходящее. Рубашка – почти джинса, плотная, в серую полоску. Пойдёт. Меняю носки и кроссовки, какая-то неизвестная фирма, однозначно Китай, но тепло до первой стирки. Доходит очередь до джинсов. Это сложнее, надо снимать, одевать, но влезать вновь в сырые?

– Ну, как...

– Вы знаете, проблема.

– Тогда пройдете в подсобку и выберете сами, есть все размеры.

Я соглашаюсь, прилавок поднимается, дверь в магазин уже закрыта, и больше покупатель не ожидается, да и отсюда – район малонаселенный, это днём народу много.

Захожу в подсобку, – метра три на три, вокруг полки, стопочки джинсов, рубашек, футболок.

– Пожалуйста, выбирайте. Вот здесь. – Женщина раскрывает несколько пакетов, с разными лейблами, и не собирается выходить. Давешняя Катя номер четыре, или пять, или четыре с половиной. Она помнит, и я тоже, ну ладно. Бросаю шар – а трусы спортивные есть?

– Вот на полке, мерить будете?

– Подайте, пожалуйста.

Игра доходит до известного предела, в подсобке – полумрак, тепло, даже душновато, я играю в джентльмена – только после Вас, и не удивляюсь, когда фирменный халатик распаивается – женщина ко мне спиной, и мне остается смотреть, как её безразмерные трусики падают на пол. Откровенно, поскольку я нахожусь в той стадии переодевания, когда вполне могу закинуть полы халатика на спину женщине и познакомиться поближе. Возможно, но не сейчас, но я чувствую, здесь надо задержаться. Почему? – Нет, голоса меня никуда не ведут, просто верю, что события просто обязаны следовать одно за другим.

Женщина по-своему трактует мою нерешительность, а я уже в тёплом, хрустящем, мягком. И спрашивает.

– Так ты её поимел тогда, или как? Так старался, – конечно, она сказала «бип», возвращаясь к не столь давно прерванному разговору. Значит, запомнила и я её чем-то заинтриговал.

– А что, есть сомнения? – Я понимаю, что нарочитость женщины идет от смущения, ведь сейчас она балансирует на грани. Или ей привычно? Мне же становится необъяснимо грустно, иногда они хоть ищут объяснения.

Звонок на её мобильник избавляет меня от необходимости принять решение. Отложенный штраф, так сказать. И снова раздеваться не хочется. Реальность она и есть реальность. Инкрустированное обручальное колечко на безымянном пальце правой руки, с аккуратным макияжем, – вот моё спасение, но только на сегодня. «Да, скоро, милый», – слава богу, что я не обременён семейными узами, риск услышать подобное в почти решающий момент как-то не вдохновлял.

– Сегодня... Мне нужно бежать, но ты будешь иногда заходить?

Я честно вру, хотя почему бы и нет – никаких обязательств, и женщине польза.

Кладу пять тысяч в кассу.

– Тебя подвезти? – Это ко мне...

– Если не затруднит, – я улыбаюсь, – но недалеко, напротив, через улицу. А дальше мне оставалось сесть в машину, свернуть направо, и доехать до съёмной квартиры. В холодильнике необходимый минимум. Я пока не перебрался сюда, по вполне понятной причине не мог оставить место своего обитания. Прошлое не отпускало. Но – пора.

– Так и мне рядом.

Мы переходим проспект, и... Я готов поверить в мистические совпадения, но чтобы так? Её машина припаркована перед моей.

Женщина садится в мою машину, мы несколько минут болтаем на отвлечённые темы. Я устаиваюсь весьма откровенного поцелуя, и думаю про себя – хорошо, что намечавшееся мероприятие было прервано вовремя и не состоялось. Зато я получил реальную перспективу приобрести красивую и необременительную любовницу, не завуалированное предложение продолжать – то есть, начать, отношения. Но нам обоим надо спешить. Однако – женщина не может не застолбить участок. И аванс весьма и весьма перспективный.

Она уходит, раскрасневшись, и улыбается – мол, не в последний раз, а мне становится тошно. Хотя почему? Почти получить минет в самом центре города от красивой и респектабельной женщины? Удержался, но лишь пока. Неужели они все таковы? Одна – уехала в Москву, объявилась другая. Или наоборот – «и тут одна, сменив другую, спешит отведать гонца, конца». Автора не помню, но на душе хреново.

Я же никому не обязан, и должен завершить начатое дело. А сюда непременно приеду ещё раз. Катя. Против тестостерона я бессилён, а что у женщин? Она чем-то напоминает Киру, я несколько минут не могу сдвинуться с места. Слезы застилают мои глаза – за что? В расследовании я почти не продвинулся вперёд. Пусть я почти понял, как произошло покушение и убийство. А что дальше? Носовой платок ко времени.

Но вернусь я не только из-за потенциальной любовницы, проснувшееся чутьё подсказывает – женщина может что-то знать, ведь магазин почти рядом. И оба места происшествия находятся в радиусе пятисот метров. Притягивает?

Я стал частым гостем на Суворовском. Привёз одежду, обзавелся бельишком. Естественно, о моем временном пристанище никто не знал. И я мог обходить уже не Среднюю рогатку, а большой квартал почти в центре города. Измученный, возвращался и думал, думал...

Реконструировал акт покушения – всё именно так, как говорила случайно встретившаяся мне старая женщина. Да, в определённый момент приехала ремонтная машина, – как она называется по-настоящему, не знаю, стрелок забрался на выдвижную платформу, притаился и стал ждать нужный автомобиль. Но почему? Как продвинуться дальше? И даже, если я найду, что маловероятно, исполнителя, какой вывод смогу сделать? Куда тянутся ниточки? Нет, почти уверен, только вот... Тупик.

Мобильный телефон выдает редкую мелодию. Хорошо, что обеденное время, и я относительно свободен. Однако откуда? А, я оставил визитку, где, впрочем, не были указаны ни адрес, ни место работы, а только номер мобильного телефона – вторая симка, специально для личных звонков.

– Ты можешь сегодня зайти, часам к восьми. Я своих отправила пораньше.

Это означало только одно – *я ухитрилась выбрать время, мы сможем заняться любовью, и ты должен это оценить*. Все довольно-таки прозрачно. Но приводить ли женщину к себе? Вопрос.

Без пятнадцати восемь, вооружённый цветами, звоню. Жалюзи опущены, но дверь почти сразу открывается – и здесь под контролем. Проскальзываю в помещение, свет – только в подсобке, конспирация.

– Проходи.

А что остается. Мы заходим в кабинет – почти такой, как и у Киры, столик. Только интервьюер выдаёт, что магазин не продовольственный. Мы не набрасываемся друг на друга.

– Кофе, коньяк?

– За рулём. А вот кофе.

Его даже не нужно подогреть. Как и женщине – раздеваться, поскольку, подозреваю, под халатиком минимум одежды. Топят хорошо, в зале тепло, а здесь и по-прежнему. Но бейджик на месте. Привлекающий внимание не только к нему. Женщина садится напротив, в кресло хозяйки, и я задаю вопрос, пусть не в тему:

– У тебя на бейджике – просто «менеджер», ты же хозяйка.

– Потому что руководитель – один, раньше была завмагом, а менеджер – это ведь то же самое. А почему ты спрашиваешь?

– Так, интересно, – ей было невдомёк, что не так все просто, и ситуация может повториться бесчисленное количество раз. Персонажи разные, антураж слегка отличается, но, по сути. Ведь Кира на самом деле была Екатериной Давыдовной. Трещит голова. Где-то в подкорке промелькнул грейдер. Как же, днём? Подсознание предупреждало, но как объяснить это женщине? С трудом вернулся в реальность.

– Ты что? – Женщина насторожилась, неужто на моём лице все прописано. Я заметил пепельницу. Курить можно? Она кивнула. И – вынужденная пауза, так что не ясно, зачем я сюда пришёл. – Устал? Или неприятности? – Удивительно, в голосе женщины я почувствовал искреннюю заинтересованность. Вот что значит целыми днями общаться с покупателями, стараться следовать их запросам и чувствовать настроение.

Я взял сигарету, попытался улыбнуться.

– Слушай, а откуда ты берёшь такой кофе – два глотка, и уже тонус...

– Ну, тебе тонус поднимать не нужно, – очевидное приглашение к действию, но у женщины настроение может перемениться.

– Вкус – необыкновенный, – так на самом деле. Секундная пауза. Взглядом расстегиваю пуговицы на её халате – нет, ошибаюсь, это кнопки.

– Ты что, это... – Катя недоумевает, как? Бзньк... – женщина машинально запахивает халатик. Нужно видеть выражение её глаз – шок – не то слово, и реакция объяснима.

Женщина скромная, пусть внешне, и, заранее освободившись от верхней половины, оставляет нижнюю. И с этой разбираюсь легко. Трещит не по швам, а по центру, она инстинктивно прикрывается, чтобы через пару мгновений, переместившись в подсобку, опрокинуться на мягкий матрац – всё приготовлено заранее, она ждала меня.

Я часто употребляю это словосочетание, но мы, действительно, все уже в паутине и достаточно лишь одного толчка до установления полного контроля над личностью. А потом их не останется вовсе. Будут лишь послушные манекены, даже не биороботы.

– Как ты смог? – Это уже чуть позже.

Я лишь улыбаюсь – женщине знать незачем, но расслабиться не смог.

– Такая женщина, как тут удержишься!

Понимаю, передыха ей не нужно. На коленки, в той же подсобке.

А она выдает неожиданное. Ведь женщина должна что-то сказать, что ж, иногда имеет право – десять минут, пока я не восстановился. Я не жду комплиментов.

– Ты не занимаешься со мною любовью, – какой посыл! – а беспощадно и бездушно имеешь, меня, будто. Будто... она не находит подходящего сравнения, – отрабатываешь, нет, стараешься... до конца. Не знаю, как выразиться. Чтобы... подчинить мою волю и привязать к себе? И сам терпишь, сдерживаешься. Если... Ещё раз... Я приготовила.

Но ей нужно выяснить, натура такая...

Интеллект женщины, как и желания, ограничены. И она не может понять причины, кроме моего желания. С этим можно смириться. Я не уникален, но любой мужчина художник, и старается сделать своё произведение на зависть другим. А Катя – необыкновенно красивая, сочная, вне возраста, кто понимает. Разве прочие, получившие доступ к такому телу, не смогли? Но это не мои проблемы. Несколько минут я обнимаю женщину, поглаживаю, не прерывая контакта, и не стремлюсь поддержать диалог.

Ей же не терпится выяснить:

– Ты что, и с женой *так*? – Предполагается, что моё присутствие здесь – или банальная ходка налево, или попытка избавиться от сухостоя. Вопрос глупый по определению, посему на него требуется однозначный ответ.

Но ведь и у неё – наверняка своя ситуация. Отвечаю прямо:

– У меня нет жены.

– Врёшь, почему тогда не пригласил к себе?

Вот это тот вопрос, на который я не намерен отвечать. Пока. С какой стати? Был лишь намёк, и нужно ли ей знать, что моя временная обитель всего лишь в двух шагах?

– Ну, – женщина запахнула халат, закурила сигарету, предлагая мне сделать следующий ход.

Я решаюсь.

– Так приезжай, – женщина может быть неплохой приманкой, если подготовиться, и она, безусловно, украсит мой холостяцкий быт. Я не стал плакаться – мол, я один, ты приедешь, и все будет хорошо, у меня все в порядке, – даже можешь прийти.

– Ты врешь, но и за это спасибо, – что-то плохо топят, зябко... – Что означает: *согрей меня снова*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.